

К Р О К О Д И Л

№ 31 НОЯБРЬ

МОСКВА 1937

к 556

16

Рис. Л. Еродаты

— Смотрите в аппарат, бабушка, и старайтесь не улыбаться. Я уже третий негатив испортил.
— Не могу не улыбаться, милый, радость-то какая: моего сына в Верховный Совет выдвинули!

ГЛУШЬ, ТЕМЕНЬ, ЛЕСА ДРЕМУЧИЕ...

Мимо Вышнего Волочка бежит дорога из Москвы в Ленинград. Между прочим, здесь так устроено, что эта же дорога бежит и в обратном направлении — из Ленинграда в Москву.

Вышний Волочок — город живописный, культурный, растущий город. На вокзале, на улицах большое оживление. Словом, чувствуется, что город лежит на большой дороге.

А за городом, справа, начинаются глухие места. Темные, дремучие леса. Унылые, непроходимые болота.

На краю Вышневолоцкого района, в самом углу, лежит древнее село Овсище. Станным даже кажется, как это живые люди попали в такую глухомань, в сонное царство густых лесов и безмятежных болот. До города, до железной дороги — верст сорок. А добраться до города не так легко было, особенно весной и осенью, по ухабам, утонувшим в липкой грязи.

— Живем в глуши, — жалуется нам председатель сельского совета Илья Алексеевич Суханов. — Особенно хвалиться нечем. Леса большие, скучные. До настоящей культуры далеко. Одним словом, глушь, темень, леса дремучие...

Есть такие люди — любят жаловаться. А ведь сам-то этот председатель — сравнительно молодой человек. Был в Красной армии. Вместо того чтобы поднимать село к новой жизни, плачется, ноет. Никуда это не годится.

— Глушь, темень, — продолжал Суханов. — Что с нас взять? До настоящей культуры далеко.

— А ликбез у вас есть?

— Чего нет — того нет. Два года назад был ликбез, а теперь нет.

— Плохо, плохо, товарищ Суханов. Как же так получилось?

— Очень просто. У нас теперь неграмотных, кроме глухой бабки Агафьи, нет и не предвидится. К чему же ликбез? В этом смысле кое-что сделано. А так вообще — глушь, темень, леса дремучие...

Вошли в село. Я сразу обратил внимание: у каждой избы висит ящик с надписью: «Для писем и газет».

— Это еще в прошлом году заведено, — объяснил нам председатель. — Почтальону все-таки облегчение.

— А много у вас подписчиков на газеты?

— Думаю, что теперь нет ни одного двора без газеты и журналов. В этом смысле кое-что сделано. А так вообще...

— А школа у вас есть?

— Есть. Особенно хвалиться нечем. Теперь в каждом селе школа.

— Какая у вас школа: начальная?

— Две начальных. Одна неполная средняя. А вот это...

Мы повернули вправо, и перед нами возникло огромное, красивое, еще малость не достроенное здание.

— А вот заканчиваем стройку десятилетки. В этом смысле кое-что сделано. А так вообще...

— А что это у вас рядом со школой?

— Ничего особенного. Так себе. Библиотека. Слабовато у нас насчет этого. Даже Шекспир неполный. Всего книг три с половиной тысячи штук. Конечно, пополнить надо. Сами понимаете. Отстали мы. В отдельности слаб отдел медицинских книг.

— Каких? Медицинских? Почему медицинских?

Мой спутник ничего не ответил. Мы вышли на главную улицу села Овсища. Эта новая широкая улица выросла в основном лесу по обеим сторонам тракта, ведущего в Вышний Воло-

чок. Слева за новым забором я увидел несколько одноэтажных и двухэтажных зданий.

— Здесь у нас больница на сорок коек. Тут же и родильный дом. На двенадцать мест. Тут же и аптека. А вот впереди здание с башней — это электростанция при больнице. Врачей, фельдшеров, медицинских сестер и других служащих сорок человек...

Начало смеркаться. В окнах сельского «комбината здоровья» вспыхнули яркие огни электричества. Во дворе зажглись фонари, осветив широкие цветочные просторы — белые пахучие табачки, многоцветную петунью, яркочерную бегонию.

— А кроме того, — продолжал Суханов, — есть у нас еще ветеринарная лечебница. Там врач, фельдшер. Так что у нас в селе кое-какой медицинский персонал. Вот почему мы и позаботились, чтобы в библиотеке был специальный отдел медицинских книг. В этом смысле кое-что сделано. А так вообще...

— А так вообще, — продолжил я, — глушь, темень, леса дремучие...

Председатель остановился, посмотрел на меня, и мы оба весело рассмеялись.

— Ну, Суханов, показывайте дальше ваши «дремучие леса».

— Кажется, уже все смотрели. Особенно хвалиться нечем.

— А вот это что?

Я показал на новое здание, вокруг которого еще торчали свежие сосновые пеньки.

— Ничего серьезного. Так себе. Зайдем посмотрим.

Зашли. Длинная, просторная комната. Небольшие столики, покрытые зеленой клеенкой. Буфетная стойка. За стойкой — человек в белом халате. На стойке — пиво, чай, разные закуски.

Это сельский колхозный ресторан. Он недавно построен местным кооперативом.

— Пеньки эти кругом, — говорит Суханов, — выкорчем. Цветы здесь посадим. Чтобы веселей было. Так что вообще...

— Так что вообще — глушь, темень, леса дремучие?

— А кроме того, — продолжал мой собеседник, пропустив мимо ушей мою реплику, — думаем здесь пристроечку соорудить — для проезжающих. Две-три комнаты. Стоим на тракте. Многие едут в город и остаются у нас ночевать. Так что мы свой гранд-отель построим.

Суханов уже забыл свои разговоры о глуши, темени, дремучих лесах. Он с увлечением начал рассказывать о достижениях своего села.

— Это — еще не все, — говорил он. — Вы должны посмотреть наш клуб и театр.

Красивое, с большим вкусом оформленное здание. Все сделано с большой любовью — колонны, окна, двери, лестницы.

Наднях клуб начинает работать. Уже готов зал для звукового кино. Уже оборудована сцена для драмкружка, и вчера приехал специально приглашенный для работы в клубе режиссер. Уже в коридоре стоит новое пианино. Уже заканчивается отделкой комната для физкультурников.

— В этом смысле, — сказал Суханов, — кое-что сделано. А так вообще...

Я с ним вполне согласился:

— А так вообще — глушь, темень, леса дремучие...

Поздно вечером я покидал село Овсище — глухое село, заброшенное среди кустарников и болот.

Интересно, товарищи, нынче бывает в глуши!..

Г. РЫКЛИН

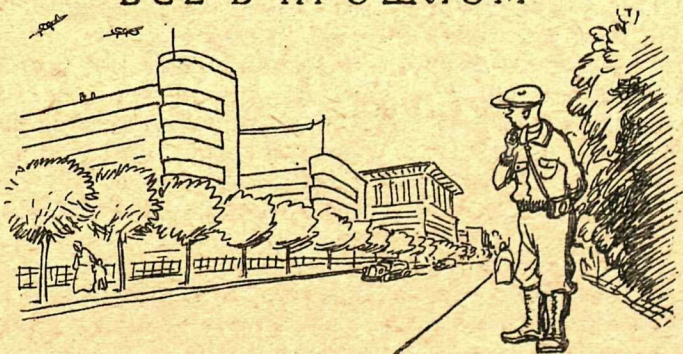
Рис. А. Радакова

— Не плачь, попадья! Пройдут выборы, опять волосы отпущу!..

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ВСЕ В ПРОШЛОМ

Вдаль убегал проспект, залитый асфальтом, с бесконечными рядами многоэтажных домов.

— Как жаль,— сказал молодой человек,— что я не застал, когда здесь был пустырь.

— Пустырь и трактиры, чтоб им провалиться,— сказала пожилая женщина.

— И трактиры!— воскликнул молодой человек.— Драки, содом!.. Как жаль, что я не видел этого!

— Да ты что, парень, обалдел?— удивилась женщина.— Нашел чего жалеть. Трактиры да пустырь.

— А как же,— показывая на «лейку», сказал фотограф.— Классные бы снимочки вышли к выборам. Что, мол, прежде было и что теперь. А где ж я теперь прежнюю половину достану?

И, бормоча «трактиры, пустырь», молодой фоторепортер побрел по асфальту.

НЕДОВОЛЬНЫЙ

— Я, граждане, советский гражданин,— говорил этот человек в пальто и кепке, с давно, видимо, нестриженными волосами,— и как таковой скажу прямо. Не все мне нравится в организации выборов.. Прямо как советский, граждане, гражданин скажу. Во-первых, день мне не нравится. Двенадцатое это декабря. Не по положению день дан.

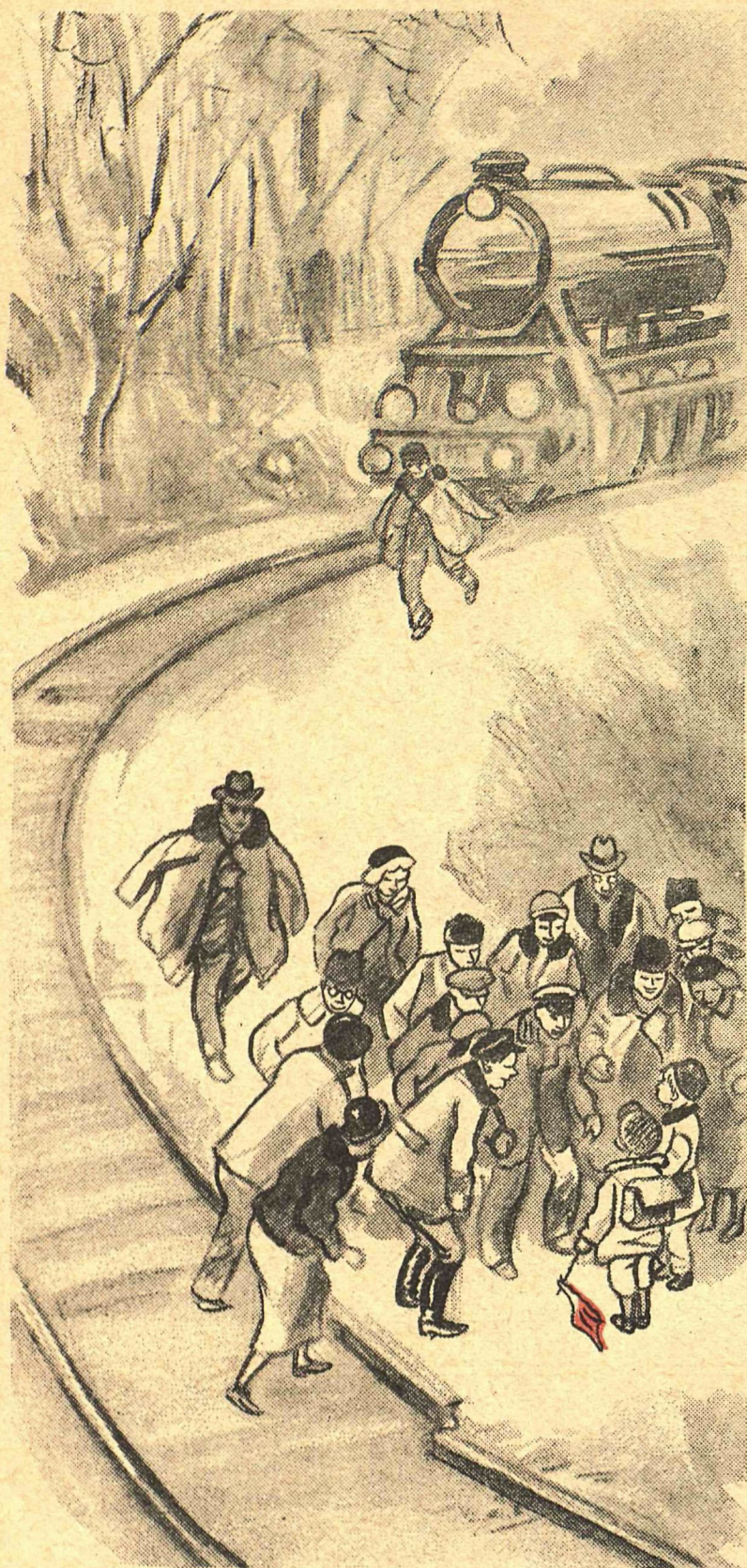
— Как это не по положению,— удивился один из слушателей.— День нерабочий и в городе и в деревне. Воскресенье ведь! Иди с утра и голосуй.

— Как же иди с утра,— передвинул кепку на лохматых волосах недовольный,— я пойду, а кто ж в это воскресенье обедню за меня служить будет?

И сердито зафыркал.

В. ТОБОЛЯКОВ

ВСТРЕЧА

— Нам подарков не нужно!.. Нам справку надо для школы, что мы опаздываем на уроки по уважительной причине, что мы крушение поезда предотвращали... Вот что нам нужно.

ОТЛИЧНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Слыша аплодисменты в зале, где намечали кандидата в депутаты Верховного Совета, кто-то спросил:

— А он чей сын?
— Сын Родины.

Наднях у меня произошла одна, можно сказать, незабываемая встреча.

У моих знакомых на вечере я случайно встретил человека, которого двадцать лет не видел.

Это был в свое время удивительно богатый субъект. Он имел три дома. Имел шикарные экипажи. Целый штат горничных, швейцаров, рабочих и так далее.

И надо было видеть, как он тогда пренебрежительно и нахально ко всем относился: не только, например, ни с кем не здоровался, когда ему низко кланялись, но при встрече с людьми отворачивал свою лощеную физиономию в сторону и чуть что — кричал, топал ногами, выгонял без жалованья.

У него по ремонту дома работали сезонники, — так он по двадцать раз заставлял их к себе ходить, прежде чем он соизволит им заплатить за их работу.

И то он с их грошей наживал, жулил, высчитывал. И я, даю слово, ни капли не преувеличиваю: доводил людей прямо до слез. От него рабочие уходили дрожа всем телом.

Я не знаю, чем это объяснить, но он имел какую-то особенность оскорблять людей своим поведением.

К нему ходила его одна одинокая родственница, его тетка. Она по субботам приходила к нему за пособием.

Его папаша завещал поддерживать ее жизнь. Так надо было видеть, как он с теткой вел себя.

Он швырял в нее скомканной кредиткой. И кричал на нее: — Ага, опять явилась, ядовитая кочерыжка. Ну, когда подохнешь, это будет для меня исключительный праздник.

Он, представьте себе, однажды торопился в театр. И вышел на лестнице с одной шикарной дамой, чтоб с ней проследовать к экипажу.

И вдруг видит: по лестнице идет его тетя. Он толкнул ее, чтоб она не путалась под ногами. Тут его тетя упала в обморок. Все подумали, что она, как говорится, отправилась путешествовать на небо. Но он, не поглядев на нее, проследовал дальше.

И хотя я был тогда небольшой мальчишка, но мне удивительно врезалась в память противная жизнь этого человека.

И вот, представьте себе, прошло двадцать лет.

Двадцать лет я, так сказать, не имел счастья видеть этого субъекта.

И вот я сижу у знакомых за праздничным ужином. И вдруг вижу: за столом, напротив меня, сидит эта знакомая фигура.

Без сомнения, он очень постарел. Как-то такое высох. Поседел. Запаршивел. И его не так-то было легко узнать.

Но я узнал его по нахальному блеску глаз. По его манере отворачивать физиономию в сторону, когда к нему обращались с вопросом.

Он меня не узнал. Но я ему сказал:

— Помните, — говорю, — «господин» Лосев, я жил в вашем доме?

Он немножко задрожал и, фальшиво улыбаясь, сказал:

— Мое прошлое я не скрываю. Оно есть у меня во всех анкетах. Да, я имел дома. Но сейчас я преподаю французский язык. И что вы от меня хотите, я вас не понимаю. Если желаете намекнуть о моем прошлом, то я и сам скажу. Был молод, жил дерзко, и мое богатство давало мне смелость жить, как я хочу. Но с тех пор много воды утекло. Нынче я другой телом и душой, и вы мне не портите настроения воспоминанием о прошлом.

Тут все присутствующие заинтересовались нашей беседой. И он, видя на себе все взгляды, сказал:

— Без сомнения, вы запомнили меня с невыгодной стороны. Но я вам повторяю, все это безвозвратно ушло. Нынче я другой человек. И вы нарочно, будьте любезны, спросите присутствующих о моей характеристике. Я имею удовольствие жить в этой коммунальной квартире, где вы сейчас в гостях. Спросите нарочно о моей настоящей жизни.

И некоторые жильцы, присутствующие тут в качестве гостей, сказали:

— Да, он сейчас славный и милый человек. Очень симпатичный и простой. И даже не далее как вчера он ночью бегал в аптеку заказывать пирамидон одной захворавшей жи-

пичке. Нет, мы ничего не имеем против него. Он любезный и добрый человек.

Тут Лосев сказал:

— Вот видите, как было бы опрометчиво решать по прошлым воспоминаниям. Теперь я совсем иной. И если есть темное пятно в моей жизни, то это моя тетя, которой даром что 80 лет, но она, знаете, до сего времени шляется ко мне за пособием. И я, действительно, иной раз ну не могу с ней любезно беседовать. Все-таки сорок лет подряд она меня третирует — это немножко много.

Тут некоторые из квартирантов сказали:

— Что касается тетки, то у них, это верно, всякий раз бывают скандалы с воплями и криками. Но во всем остальном — он выше всяких похвал.

Лосев сказал:

— Во всем остальном моя теперешняя жизнь может служить примером. Надвигавшаяся старость изменила мое мировоззрение. Дерзость, нахальство и надменность покинули меня уже давно.

Сын хозяина вечеринки, молодой человек, знакомый с диалектикой жизни, сказал:

— Но, может быть, не старость вас изменила. Может быть, скорей всего, отнятое богатство притупило вам зубы.

Тогда один из гостей добавил:

— А в самом деле. Ну-те, вам дай снова ваши дома, экипажи и деньги — ого! Небось, снова ходили бы колесом и давили бы всех, кто попадется.

Нахальный блеск засверкал в глазах престарелого Лосева. Но он, потупив свои очи, сказал:

— Не знаю, не думаю.

Молодой человек, знакомый с диалектикой жизни, воскликнул:

— Вы не знаете. А я знаю. Вы бы еще того более расцвели и еще того более зверски относились бы к своим людям.

Тогда Лосев, дрожа от гнева, сказал, обращаясь к хозяину:

— Если ваши гости меня тут будут оскорблять, то я непременно от вас уйду.

Хозяин сказал:

— Если вы действительно до глубины души изменились за эти двадцать лет, то я прошу вас, не уходите от меня. Мне было бы в высшей степени тяжело, если бы вы ушли. Но если с вами то, что говорят другие, то я вас не могу задерживать.

Престарелый гость Лосев минут двадцать ерзал за столом, ни с кем не разговаривая.

Покушав и выпив бокал шампанского, он по-английски вышел из комнаты, ни с кем не попрощавшись.

И тогда хозяин сказал:

— Вот, друзья, что такое социалистическая революция. И вот каким людям она обломала их ядовитые зубы.

МИХ. ЗОЦЕНКО

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

Член участковой избирательной комиссии, проверяя списки, вдруг сердито свел брови:

— Безобразие!!! Небрежность какая!! Огромный дом — и всего шесть человек избирателей в списке?!

— Все в порядке, — отвечали ему.

— То есть как это все в порядке?

— А это «Детский сад»...

— А-а-а... — улыбнулся член комиссии. — А я уж думал...

АРИФМЕТИКА

Отец вернулся после собрания веселый. Ходил по комнате и говорил:

— И премия, конечно, — невредная штука. Ну, а все ж таки не первое она дело. Вообще работать хочется. Эх...

Развел руки, сжал в кулаки:

— Мне б если полсотни с плеч, я бы еще...

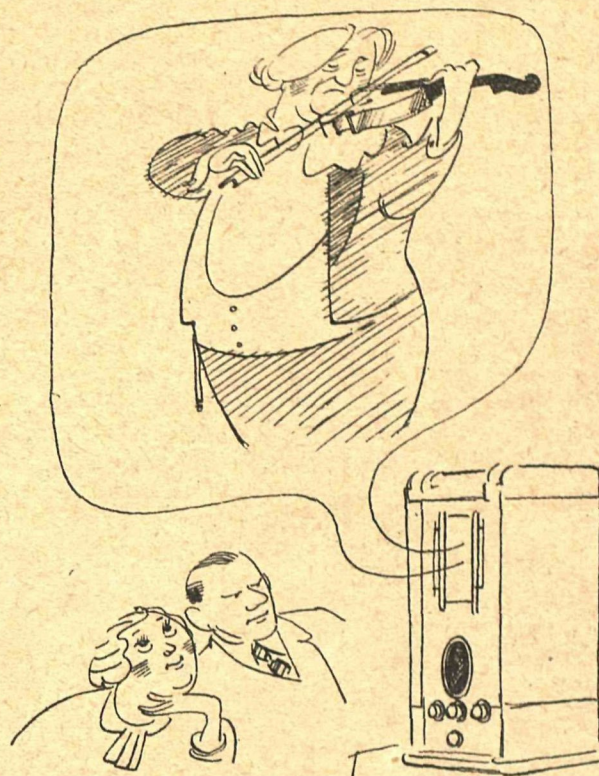
— Что ты, папа, — сказала дочка-третьеклассница. — Нельзя и думать, чтоб тебе полсотни с плеч...

— Почему? — удивился отец.

— Да тебе сейчас шестьдесят семь лет, и если долой полсотни, тебе будет семнадцать всего — и ты не сможешь голосовать... А я по себе знаю, что это неинтересно...

В. ТОБОЛЯКОВ

Рис. К. Ротова

У ПРИЕМНИКА

— Н-да... Сразу чувствуется, что играет много прочувствовавший и продумавший артист...

У МИКРОФОНА

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Однажды в разгаре работы в упаковочную треста «Универмаг по почте» вошел заведующий иногородним отделом. В руках он держал исписанный лист почтовой бумаги и надорванный конверт. Сверившись с конвертом, заведующий спросил:

— Товарищи, у кого тут посылка № 7213, по адресу: Новочеркасск, Научно-исследовательский институт, жилой дом, доценту Соболеву?

Укладчицы загалдели все разом:

— Девушки, у кого этот номер? Маруся, у тебя? Нет, у Кати! У Чесовой! Катя, Катя! Это у тебя!

Катя Чесова, девушка с вздернутым носом и рассеянными голубыми глазами, отозвалась не сразу:

— Какой вы говорите номер? 7213? У меня был... Куда-то еще в Новочеркасск...

— Правильно. Книги.

Катя осторожно повернула голову набок:

— Как книги?.. Там не книги. Номер 7213 — это набор вещей для новорожденного: пеленки там, распашоночки, соска...

Заведующий досадливо отмахнулся:

— При чем здесь новорожденный ребенок?.. Ученый человек, доцент, выписал себе литературу, а ты говоришь: «соска»!

— Ей-богу, Николай Карпович, я, кажется, в Новочеркасск заслала набор для новорожденного... Уже три дня как отправила.

Заведующий иногородним отделом пожевал губами, помолчал и вдруг заорал на укладчицу:

— Разве это работа?! И как тебе в голову пришло доценту вдруг соски посылать?!

— Ничего мне в голову не приходило, — мигая глазами перед плачем, ответила Катя. — Был заказ на 76 рублей 40 копеек. Я его исполнила...

— На сколько, на сколько говоришь заказ? — подхватил экспедитор, который перелистывал свою книгу отправлений. — На 76.40?

— Ну да! — с ревом ответила Катя.

— Тогда все ясно! — заявил экспедитор и показал по книге. — Смотрите: вот заказ номер 7213 в Новочеркасск Соболеву на 76 рублей 40 копеек, а рядом заказ номер 7214 — тоже на 76.40 — в город Дрезну какой-то Потаповой... Текстильная фабрика, новые корпуса, дом номер 18, квартира 433.

— Ой! Теперь я вспоминаю! — взвизгнула Катя Чесова. — У меня обе карточки с адресами упали на пол и...

— И ты их перепутала? — зловеще подхватил заведующий. — Та-ак. Хорошо.

— Нет, может быть, я и не перепутала, Николай Карпыч... Может, послала правильно...

— Ну вот тебе мой сказ: если перепутала, придется поставить вопрос о твоём увольнении.

Работница текстильной фабрики в Дрезне Людмила Потапова возвратилась домой с прогулки, отяжелевшая на предпоследнем месяце беременности. Она сразу увидела на обеденном столе раскрытый фанерный ящик и перерезанную бичевку.

— Ой, никак посылку прислали из Москвы! — воскликнула Потапова. — Мама, что, хорошее приданое прислали для ребеночка?

Мать Людмилы ехидно поджала рот и — от ехидства же, — закрыв глаза, пропела:

— Хорошее, дочка, хорошее... Лучше не бывает...

— И распашоночки есть?

— И распашоночки.

— И клееночка?

— И клееночка.

— Ой, мамочка, покажи хоть пеленку какую или соску!

Старуха схватила со стола две книги и, тыча ими в лицо дочери, зашипела:

— Вот тебе пеленочка... А вот тебе сосочка!

— Какая ж это пеленка? — недоуменно спросила Людмила и прочитала заглавия книг: «Рост народного хозяйства СССР в цифрах и диаграммах», «Но пасаран!», «Сборник о войне в Испании»...

Мать продолжала ехидничать, но дочь не отвечала. Она

с интересом просматривала обе книги. Наконец, оторвалась и произнесла:

— Мама, а еще какие книги?

— Вот они. Хватает книг. Небось, на 76 рублей 40 копеек кровных наших денег наслали. Вот эта, толстенная, будет у нас как одеяло, а ту накрошим и вместо присыпки!.. — бушевала старуха. — Сейчас пиши им, подлецам, в Москву, чтобы слали настоящий товар либо деньги обратно!

Но дочь подняла кверху глаза, подумала и сказала:

— А знаешь, мама, мы эти книги оставим себе.

— Как себе?!

— А так. У нас в библиотеке — и то книг не хватает. А тут все интересная литература. Пригодится. А на приданое пошлем новые деньги!..

Старуха зашипела совсем уже как картофель на сковороде.

Доцент Соболев пришел домой с работы, разделся в прихожей, положил на место портфель и, подойдя к жене, сидевшей в углу комнаты на мягком кресле, поцеловал ее в лоб.

— Я зарплату получил, — сказал Соболев.

Жена, почти не раскрывая рта, ответила:

— Очень хорошо. Вероятно, это последний раз выдали полностью.

Доцент удивленно откинул голову:

— Почему в последний раз?

— Одну треть по закону будут вычитать, — совсем тихо произнесла жена.

— По какому закону?! Какую треть?!

— Обыкновенную треть. На алименты.

Доцент сел на стул, потер пальцами лоб и заявил:

— Я ничего не понимаю, Мусечка. Объясни, о чем ты?

— Так уж и не понимаешь?! Говори сейчас: давно ты с ней сошелся?!

— С кем??!!

— Почему я знаю, с кем?! Только я вижу, что тебя надо поздравить с отцовскими радостями и... и... и...

Жена заплакала. Доцент вз'ерошил волосы и горестно закричал:

— Что все это значит?!

— Нет, это я должна спросить у тебя: что все это значит?

Ты что выписал из Москвы?

— Что-что? Книги!

— Книги?! Это книги??!! Соска — это книга?! А клизмочка — это тоже книга?! А по какому вопросу — такие книги??!!

И жена подбрасывала в воздух распашонки, пеленки, подгузники.

— Ничего не понимаю, — пробормотал доцент. — Выписывал я почтой книги, на 76 рублей 40 копеек.

— На сколько, на сколько? — переспросила вдруг жена.

— На 76.40. И вдруг — пожалуйста — получаю вот это...

— «Этого» тоже пришло на 76.40, — задумчиво сказала жена. — Может быть, действительно там перепутали...

Доцент крайне оживился:

— Ну, конечно же! Знаешь, это часто бывает. Им сейчас надо написать ругательное письмо и попросить немедленно прислать книги, а это барахло...

Жена остановила его, подняв ладонь:

— Постой. Это, как ты говоришь, барахло отсылать не надо. Это все пригодится моей сестре Тане. У нее ведь скоро будет ребенок.

— Очень хорошо. Значит, просто пошлем еще 76 рублей 40 копеек — и все...

Заведующий иногородним отделом «Универмаг почтой» вошел в упаковочную. Укладчица Катя Чесова робко обратилась к нему:

— Как, Николай Карпыч, выяснилось мое дело? Насчет тех двух заказов? Не перепутала я?

— Конечно, перепутала, — сурово сказал заведующий, — но на твоё счастье у нас такая уж страна, что книги всюду берут и детей ждут везде... Оба заказчика оставили товар... Такая уж у нас страна... Не придется тебя увольнять.

В. АРДОВ

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ

Рис. Л. Бродаты

— Фузияма мне ужасно напоминает наш Везувий, синьор: туристов здесь по дороге, как и у нас в Италии, буквально осаждают нищие.

„НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ НАШИ БОЙЦЫ“

В ЛОНДОНСКО

Рис. Ю. Ганфа

Такой отдел завели многие газеты республиканской Испании, печатающие на своих страницах забавные эпизоды из жизни бойцов республиканской армии. Ниже мы приводим несколько таких маленьких новелл, напечатанных в мадридском журнале „Эстампа“.

КОГДА РАК СВИСТНЕТ...

Один из перебежчиков рассказывает, что молодым солдатам, мобилизованным фашистами, офицеры обещали предоставить двухнедельный отпуск после взятия Мадрида.

И вот на следующий день после этого обещания неизвестно откуда на самом видном месте появилась клетка... Внутри нее валялся старый башмак. К клетке была прикреплена записка со следующей надписью:

«Когда эта птичка запоет, весь наш батальон пойдет в двухнедельный отпуск».

го городка. Один из них мальчик, и притом маленького роста.

Все зовут его «Пионером».

Когда увешанные бомбами люди отправляются к укреплениям противника, все, естественно, пригибаются из осторожности. Но «Пионер» этого никогда не делает.

Пули свистят вокруг, а он даже головы не наклонит. Однажды товарищи спросили его, как это он не боится расхаживать так спокойно.

И «Пионер» ответил с горечью:

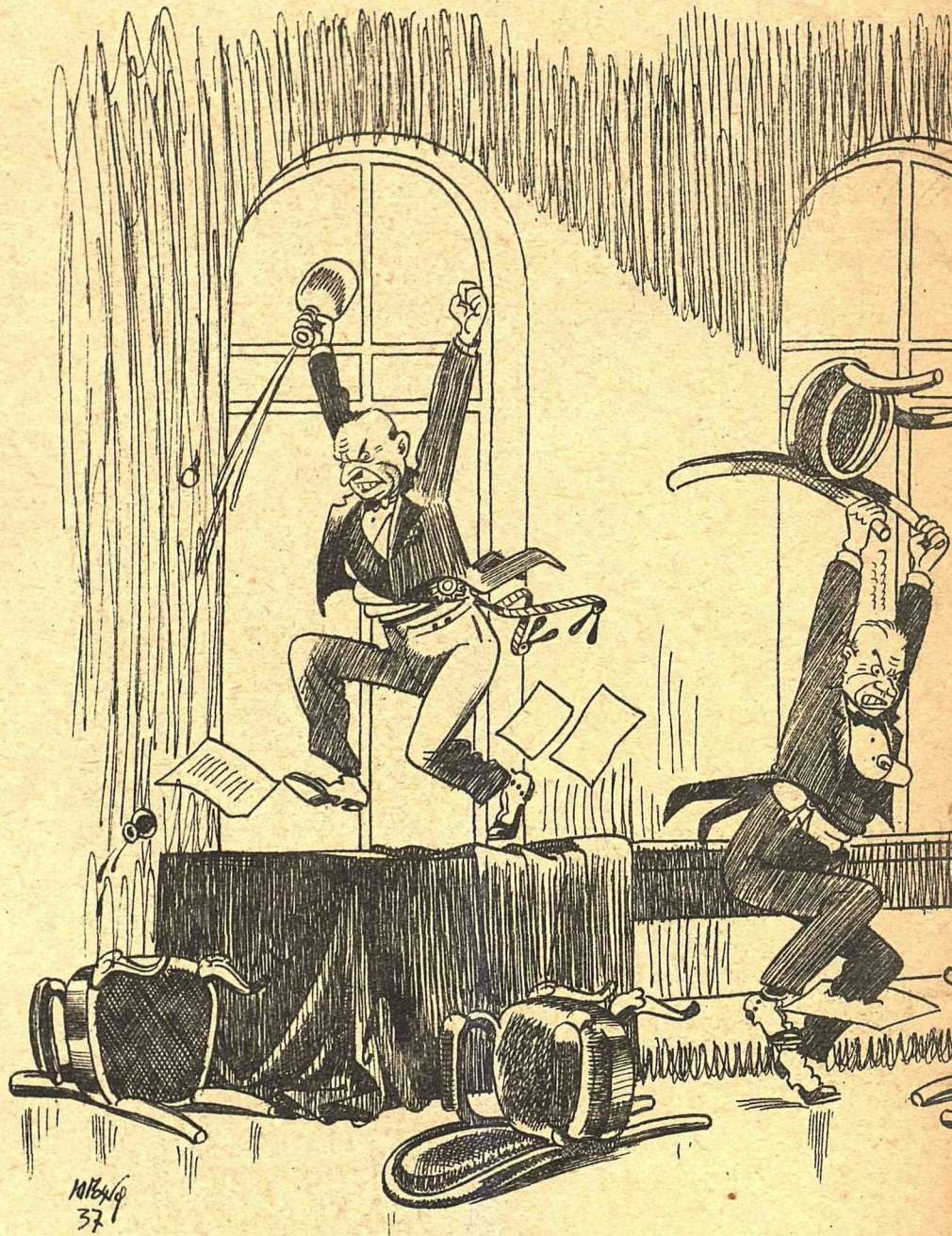
— Верно, что я не боюсь пуль. Да ведь я никак до них не достану.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Один пожилой боец в мирные времена был служителем в университете. Жизнь протекала между звонками, возмущавшими окончание и начало лекций. Спокойно покуривая папироску в ожидании звонка, университетский сторож никогда и не думал о военной карьере. Однако он ее проделывает с успехом: он уже сержант одной из самых боевых бригад, защищающих Мадрид.

Однажды бригада подготавливалась к серьезной операции.

— Что это случилось с Риббентропом и Гранди?
— У них буйное невмешательство.

ХРАБРЫЙ „ПИОНЕР“

В дивизии, которой командовал Ортега, есть замечательные динамитчики, хорошо известные марокканцам и легионерам из Университетско-

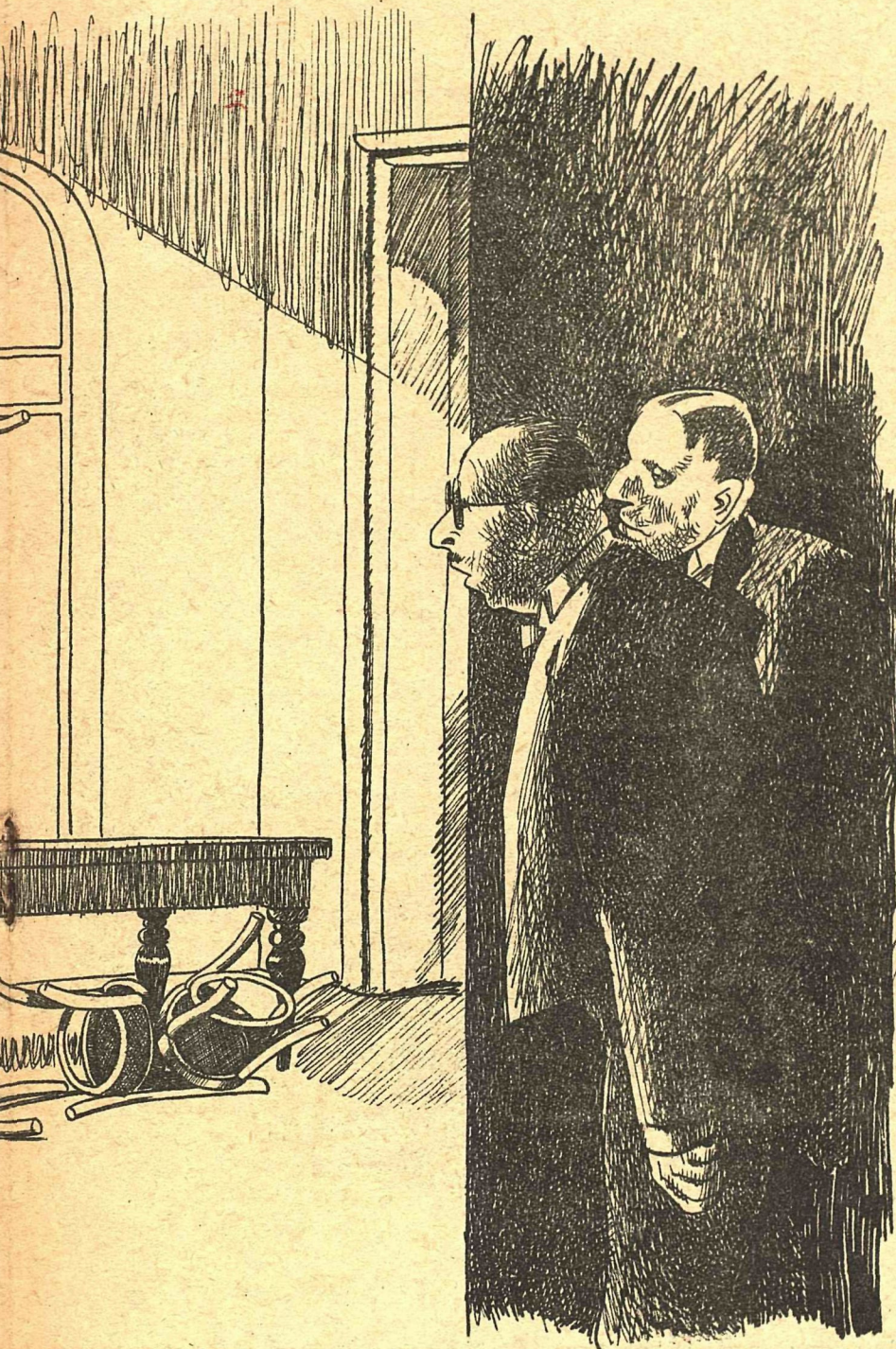
В Д О

Меж тем как лес
Рядился в клочья дыма,
И поезд шел,
И ухала земля;
Меж тем как сосны
Пролетали мимо
И возникали
Тучные поля;
Меж тем как тени
Плыли за возами, —
Пожаром вспыхнул
Предзакатный час...

И девочка
С горящими глазами
Платком разлуки
Провожала нас;
И под росой
Уже сгибались травы;
И в яблоках
Вставал за садом сад;
И, грузно поворачивая гла-
вы,
Подсолнухи
Пылали на закат;

„НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ НАШИ БОЙЦЫ“

Такой отдел завели многие газеты республиканской Испании, печатающие на своих страницах забавные эпизоды из жизни бойцов республиканской армии. Ниже мы приводим несколько таких маленьких новелл, напечатанных в мадридском журнале „Эстампа“.

Выступление было назначено на определенный час. Перед этим бойцам разрешили немного соснуть.

Сержант проснулся за пять минут до назначенного времени, вскочил и стал будить командира:

— Сеньор, сеньор, вам пора на лекции.

— Куда я попал!?—воскликнул он, протирая глаза.

— Ничего, приятель, ничего. Тут все свои. А ну-ка, подвинь свою кухню поближе, дай попробовать твоей стряпни.

УСИЛЕННЫЙ ЗАВТРАК

Однажды перед нашими новыми позициями появился повар в фартуке и колпаке.

— Подходи, ребята, подходи!—кричал он генеральским басом.—Сегодня я привез вам усиленный завтрак. Скорей!

Сидевшие в окопах бойцы не могли сразу его увидеть. Они слышали только его голос. И повар в свою очередь никого из них не видел.

— Поторапливайтесь, ребята, поторапливайтесь! — продолжал повар.—Сегодня кофе и галеты. Нескоро вы все это снова увидите.

Наши солдаты стали прислушиваться с удивлением и любопытством. Один из наших бойцов вылез из окопов и направился к повару. Тот стоял в нескольких шагах от легкого грузовика с бидонами кофе и корзинами галет.

— Подходи, подходи,—приглашал он.

Наш боец с изумлением увидел, что повар был в фашистской форме... Изумился и повар.

ВЕСЕЛЫЙ УМИРАЮЩИЙ

На южном фронте, где сражается немало товарищей цыган, один из них был ранен и умирал. По крайней мере, он был уверен в своей смерти, хотя доктор и уверял, что его рана страшна только по виду. Как бы то ни было, раненый цыган считал свое состояние безнадежным и стал диктовать завещание:

— Дом на Пуэрта дель Соль, где министерство, оставляю моему двоюродному брату Хосе Мария, который живет в Усере... Здание банка на Севильской улице я оставляю сестре моей Антонии... Потом оставляю...

— Да слушай, Хуанильо, дружище, зачем это ты оставляешь людям вещи, которые тебе не принадлежат?

— А что же?—отвечал Хуанильо.—Я ведь так и говорю: «оставляю». Что мне жалко, что ли? Не буду же я ждать, чтобы это сделал кто-нибудь другой из другого табора.

РОГЕ

И ехал мальчик,
Натянувши повод;
И жеребец
Копытил озорно;
И шел комбайн
И, вытянувши хобот,
Пыхтел,
Сбирая звонкое зерно;
И тяжело ползли автомо-
били;
И лошадей
Ходили табуны;

И дальше
Маяками избылья
Вставали элеваторы страны;
И вот,
Пока мелькали семафоры,
Я думал так,
Дыханье затая:
«Как широки
Советские просторы,
Как плодородна
Родина моя!»

В. ЖУРАВЛЕВ

РЫЖИК И АНТИПКИН

Утро не предвещало ничего хорошего. Управляющий трестом Горстултабурет Василий Васильевич Антипкин прошел в свой кабинет быстрыми шагами и ни с кем из сотрудников не поздоровался.

— Будет буря, — сказал секретарь Рыжик, хотел еще что-то добавить, но в этот момент раздался звонок, призывающий его в кабинет к начальнику.

Машинистка Груздихина, давно уже любившая Рыжика, побледнела и, как впоследствии утверждали злые языки, послала ему незаметно воздушный поцелуй, долженствовавший, очевидно, предохранить Рыжика от возможных неприятностей.

Антипкин ходил по своему кабинету и был крайне возбужден.

— Товарищ Рыжик, — спросил Антипкин, — что вы себе думаете, а?

«Узнал, — подумал Рыжик, — донесли».

— Я ничего, Василий Васильевич, — сказал он дрожащим голосом. — Любовь, Василий Васильевич, возникает вне зависимости, так сказать, от учреждения. Наднях она разводится, так сказать, со своим мужем и мы оформим. А в смысле снисхождения, если вам сказали, или особого отношения — ложь. Я не выделяю ее среди других машинисток. Я люблю ее, Василий Васильевич, она, так сказать, царица моей души, но она сидит у меня исключительно на цифровой работе... Самой, так сказать, сложной и неприятной.

— Вы о чем это? — спросил Антипкин в крайнем недоумении. — Я вас спрашиваю, что вы думаете о выдвижении молодых кадров, а вы какую-то чушь несете про какую-то царицу.

— Нет, не чушь! — прошептал Рыжик взволнованно. — Я молод, Василий Васильевич, и имею право любить, кого я хочу. И если женщина, к которой меня влечет, работает тоже в местной промышленности, то это еще не означает, что я должен похоронить свои чувства.

— Подождите, — перебил его Антипкин. — Кто молод?

— Я молод, Василий Васильевич, — ответил Рыжик.

— Что же вы раньше не сказали об этом, дорогой товарищ Рыжик! — закричал Антипкин, и на лице его появилась добрая и приветливая улыбка. — Садитесь, товарищ Рыжик. Чорт возьми, человек молод и молчит, как будто в рот воды набрал! И как раз в тот самый момент, когда поставлен вопрос о смелом выдвижении молодых кадров. Нельзя же, товарищи, все валить на одного человека. Если мы все будем молчать о том, кто молод, кто стар... Ведь не семь же пядей у меня во лбу, дорогие товарищи! Сколько вам лет, товарищ Рыжик?

— Двадцать два года.

— Вы же совсем мальчик! — еще громче закричал Антипкин. — Вы же ребенок, так сказать. Вот когда нужно говорить, что я бюрократ, что трест под моим руководством не выполняет планов, что я зажимаю самокритику, желающих сколько угодно. А вот когда выясняется, что моим секретарем работает совсем молодой человек, которого я сам выдвинул на ответственный пост еще задолго до того, как это стали делать все, тут уж никто ничего не скажет. Эх, люди, люди!

— Я ведь еще при Наживкине поступил, — робко сказал Рыжик.

— Но ведь я же мог вас уволить, если бы не стремился выдвигать молодые кадры. Мог?

— Могли, — прошептал Рыжик.

— То-то и оно-то. Вот что, товарищ Рыжик, давайте крепко подумаем о том, кого из молодых можно выдвинуть на более ответственную работу. Кто у нас тут молодые?

— Акробатова если, — сказал Рыжик. — Бухгалтер очень способный. И как раз место старшего бухгалтера освободилось.

— Это какой Акробатов? Такой высокий, в пенсне?

— Да, да.

— Это который на прошлом активе...

— Он, он.

— Ну, с ним подождем. Еще кто?

— Можно Жилицкую, экономистку, в заведующие отделом.

— Зачем же я буду выдвигать на ответственный пост, товарищ Рыжик, человека, который считает, что мы не выполняем план? Вы молодой, молодой, товарищ Рыжик, но вы все-таки

думайте, о чем вы говорите. Человек считает, что мы не выполняем план...

— Так это же действительно...

— Подождите, — сказал Антипкин грубо. — Вы лучше ответьте, кто из молодых сотрудников считает, что мы выполняем план.

— Никто, — сказал Рыжик. — Из пожилых тоже никто.

— Так-таки никто? Так. Так. Позвольте, а Сандриков? Вот Сандрикова выдвинем. Прекрасный статистик и безусловно преданный человек. Пусть будет заведомо.

— Он подхалим, этот Сандриков, — сказал Рыжик.

— Мы его выдвинем, он и исправится.

— Потом он не так молод. По-моему, ему под пятьдесят.

— Ай-ай-ай, скажите, какой старик! Самый расцвет, так сказать. Во всяком случае он прекрасно сохранился и вполне сойдет. Значит, мы имеем уже двоих: вас и Сандрикова. Еще бы парочку — и все в порядке. Ну кого еще?

— Я подумаю, — сказал Рыжик.

— Думать тут, товарищ Рыжик, нечего. Мне это надо про-вернуть мгновенно. Не такой у меня сейчас момент, чтобы думать. Пусть знают, что Антипкин первый в своем тресте про-вел выдвижение молодых. А что вы скажете насчет Ардузова? Вполне приятный молодой человек.

— Он умер, Василий Васильевич.

— То есть как умер? Когда?

— Месяц назад, от аппендицита. Вы же сами выступали в крематории.

— Да, да. Ах, какая жалость! Самое время его выдвинуть, а он умер. Ужасно жалко. Ушел, как говорится, из-под рук. Позвольте, а что если кого-нибудь из машинисток, а? Например Груздихину? По-моему, она вполне подходит.

Рыжик вскочил со стула, колени его дрожали:

— Я попрошу вас, Василий Васильевич, не вмешиваться в мою, так сказать, личную жизнь! Вы, наверно, знаете, что я люблю Александру Петровну и в судьбе ее лично заинтересован и участвовать в ее выдвижении не считаю возможным. Я женюсь на Александре Петровне в ближайшее время.

— Ну и прекрасно! — сказал Антипкин. — Вам же лучше будет, если ваша жена будет ответственным работником.

— Да, но я не считаю возможным участвовать в обсуждении этого вопроса, и кроме того она не проявила себя.

— Ну вот что, — сказал раздраженно Антипкин. — Я там не знаю, кто кого любит, кто кого не любит, а Груздихину я вам, дорогой мой, не отдам. А ее из рук не выпущу. Она мне вот как нужна, — он провел рукой по горлу. — Сегодня вы ее любите, завтра вы ее не любите, а у меня пропадает кадр. Нет уж, итак Груздихину назначаем управляющим делами. Значит, мы имеем вас — раз, Сандрикова — два, Груздихину — три. Теперь мы еще одного человечка — и все в порядке.

В это время зазвонил телефон. Антипкин взял трубку и назвал себя. По мере того как он слушал, лицо его краснело. Потом неожиданно стало белым. Так меняло цвет его лицо во все время разговора.

— Почему же, — спросил он вдруг, — бюрократизм? Невыполнение плана — это действительно. Но против бюрократизма я решительно протестую. Зажим самокритики? Это есть. Что есть, то есть, но бюрократизма нет, и мы еще поспорим.

Он положил трубку.

— Я думаю можно Головкина, Бориса Николаевича, выдвинуть, — сказал Рыжик. — Прекрасный работник, хороший товарищ. Настоящий человек.

— Головкин уже выдвинут, — глухо сказал Антипкин. — На должность управляющего трестом.

Рыжик вскочил со стула.

— А я, хотите вы спросить?.. — продолжал Антипкин. — Меня сняли приказом по наркомату. Я, видите ли, бюрократ, зажимщик самокритики. Я, видите ли, не выполняю плана. А то, что я всегда впереди всех во всех начинаниях, эт-то никого не интересует. Я, оказывается, как мне сейчас только сообщили, прячусь за это. Скрываю свои недостатки!..

Он еще что-то пробормотал себе под нос, но Рыжик не слышал. Он вышел из кабинета.

КОНСТАНТИН ФИНН

В БЕРЛИНСКОЙ ПИВНОЙ

Рис. А. Каневского

— Вы, британцы, нас не понимаете: Германия просто задыхается без колоний и Англия с Францией должны нам их дать.

— А если вы получите колонии?

— О, тогда-то мы сможем по-настоящему поставить вас на колени!

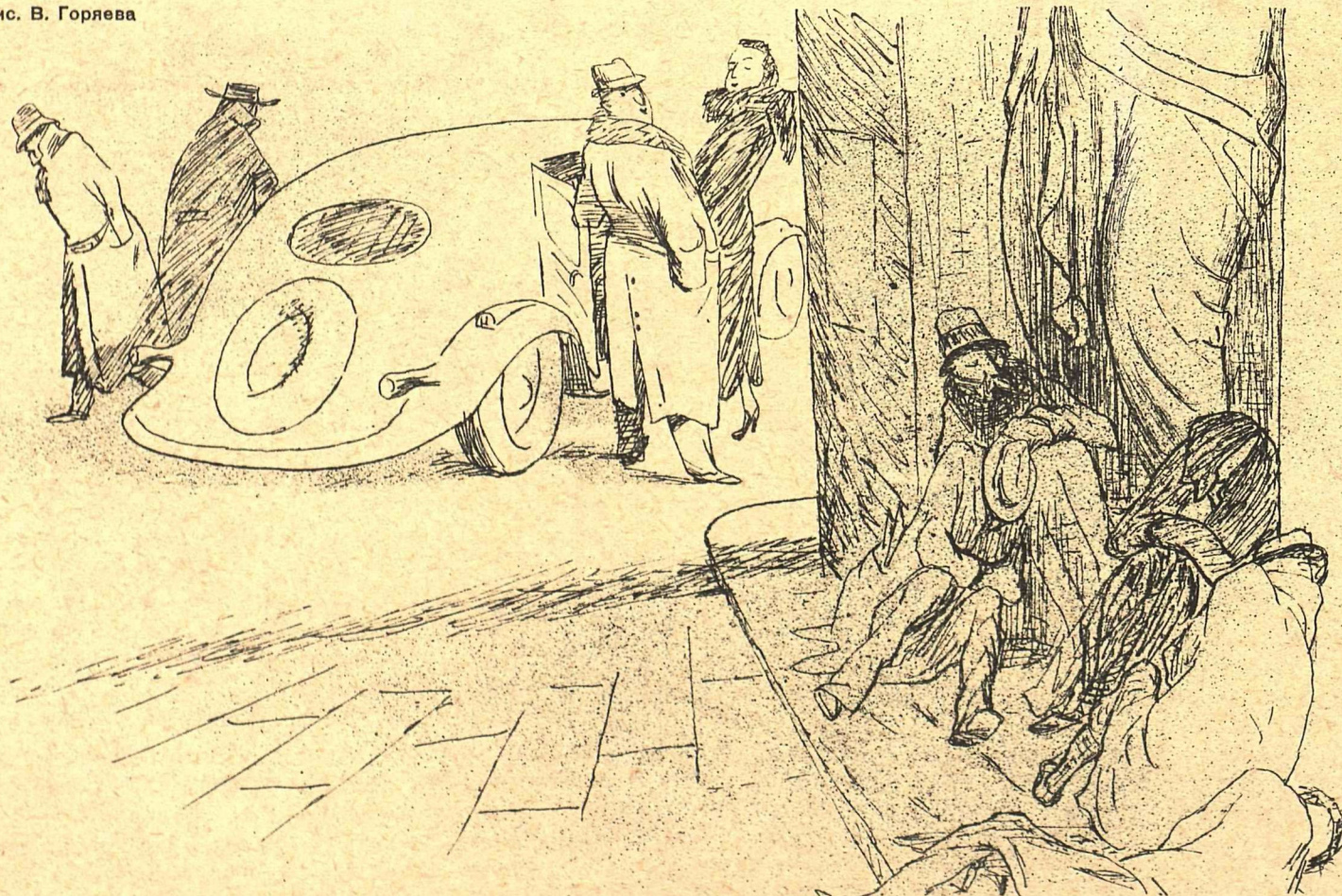
К ВОПРОСУ О ГЕРМАНО-ИТАЛО-ЯПОНСКОМ СОЮЗЕ.

Рис. Бор. Ефимова

Т р и у м п и р а т
Ч у т к о с т ь

Рис. В. Горяева

— Милый, почему они не идут спать домой? Они же здесь могут простудиться...

Рис. Л. Генча

- Ну вот, дождались: нам, священнослужителям, избирательные права дали...
- Что ж ты огорчаешься?
- Помилуйте, отец Степан, значит, очень уж крепка советская власть.

ПОПРАВКА

Вот поправка, помещенная в органе Марьинского райкома КП(б)У и райисполкома (Донбасс) — в газете «Прапор Ленина».

«ПОПРАВКИ СЕКРЕТАРИАТА РИКА

В напечатанном в прошлом номере газеты «Прапор Ленина» постановлении президиума Марьинского рика «об утверждении состава участковых избирательных комиссий» допущены некоторые неточности в именах и отчествах членов участковых избирательных комиссий.

Члена избирательной комиссии участка № 107—261 Спартесного Алексея по отчеству не Павлович, как было указано в постановлении, а Карпович; члена комиссии участка № 115—269 Постильняк Марину по отчеству не Яковлевна, а Ивановна; члена этой же комиссии Гришаева Валентина по отчеству не Емельянович, а Евсеевич; зам. председателя комиссии участка № 118—272 Усенко Александра по отчеству не Федорович, а Федотович; зам. председателя комиссии участка № 122—276 Тищенко Илью по отчеству не Михайлович, а Минович; члена комиссии участка № 125—279 Краснощека имя не Никита Петрович, а Никифор Петрович; зам. председателя комиссии участка № 127—281 Стусова имя не Макар Леонтьевич, а Михаил Леонтьевич; члена этой же комиссии Гавриленко Гавриила по отчеству не Анто-

нович, а Антипович; члена комиссии участка № 130—284 Верещаку Алексея по отчеству не Григорьевич, а Гаврилович; члена комиссии участка 131—285 Кульбака имя не Александр Афанасьевич, а Александра Афанасьевна; члена комиссии участка 108—262 Брянцева имя не Никита Александрович, а Николай Александрович.

В составе комиссии участка № 109—263 искажена фамилия члена комиссии Трофимова Демия Митрофановича, который был ошибочно назван Трифоновым. Неправильно была написана фамилия члена комиссии участка № 111—265 Козленко Петра Михайловича.

В составе комиссии участка № 116—270 пропущено звание члена комиссии Хренова Сергея Григорьевича, представителя от рабочих колхоза имени «Парижская коммуна».

Секретариат рика».

Справедливость требует отметить, что за все эти неточности целиком отвечает секретариат районного исполнительного комитета. Газета здесь не при чем.

Не требуется особенно долгих размышлений, чтобы догадаться, что сделанные секретариатом рика поправки сигнализируют о необходимости срочных поправок в составе самого районного исполнительного комитета.

Рис. Л. Сойфертиса

- Мне кажется, что кто-то где-то нас с вами знакомил. Вы не научная работница?
 — Нет, я ткачиха, а познакомил нас тов. Калинин, когда мы вместе с вами получили ордена.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

РЕФЛЕКСИЕЙ ПО ПЕЧОРИНУ

Нам не хотелось бы хвастаться своей ученостью, но мы вынуждены отметить, что после нескольких бессонных ночей добились крупной научной победы. Мы раскусили, наконец, что хотели доказать авторы учебника литературы для средней школы Абрамович и Головченко своей нижецитируемой характеристикой Печорина:

«Пессимизм Печорина, его холодный скепсис, его циничное отношение к «святыням» отмечены печатью расщепленной рефлексии».

Упомянутые авторы хотели доказать: а) свою образованность и б) свое незнание уровня аудитории, на которую рассчитан их учебник.

НОВОСТИ КАНЦЕЛЯРСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Недавно открыта новая страшная болезнь, носящая бодрое спортивное название — «бега». Честь этого исключительной важности вклада в медицинскую науку принадлежит начальнику Апшеронской узкоколейной железной дороги по фамилии Лаздан. Сей Лаздан 27 сентября сочинил и подписал недрогнувшей рукой приказ № 219 по управлению дороги, § 15 коего мы позволим себе привести целиком:

«Во изменение приказа № 216 § 7 зав. столом происшествия Дегтярева считать с 9/IX по 15/IX в бегах. С работы по выздоровлении уволить, как не выдержавшего испытательного срока».

Можно себе представить, как исключительно опасна эта болезнь «бега», если по выздоровлении больного беспощадно увольняют! Не скроем, волосы шевелились у нас на голове, когда мы читали этот мрачный приказ. Бр!

ПОГОРЕЛЬСКАЯ АНОМАЛИЯ

Может ли на ответственном политическом посту секретаря районного комитета комсомола находиться пьяница и политически неустойчивый человек? Конечно нет. И пленум Погорельского рай-

кома ВЛКСМ (Калининская область) правильно сделал, когда 11 октября снял с работы и вывел из своего состава, по приведенным выше соображениям, секретаря райкома Молоткова.

Ну, а может ли работник с такими мало симпатичными данными работать на ответственнейшем посту уполномоченного обллита? Не может?

Представьте себе, Погорельский райком ВКП(б) и Калининский обллит стоят на диаметрально противоположной точке зрения: первый рекомендовал на эту работу, а второй утвердил в этой должности пьяницу и политически неустойчивого Молоткова. Того самого.

Да, товарищи читатели, много необъяснимого и загадочного случается на свете. Хотя, с другой стороны, ничего загадочного в действиях Погорельского райкома и Калининского обллита нет. Самая обыкновенная политическая безответственность.

ПОХВАЛА БЕРЕЖЛИВОСТИ

Приятно отметить, что в ростовской (на Дону) конторе Главрезины сидят бережливые люди. Для сбережения советской копейки они не жалеют советского рубля. Не так давно местный Союзупиль получил от них требование перечислить на расчетный счет № 40043 переплаченную Союзупилу 1 (одну) копейку.

Просто обидно, что такие работники пребывают в незаслуженной безызвестности! Пламенный привет этим удалцам финансово-бюрократического фронта!

СТИЛЬЧИК РАБОТЫ

22 августа заместитель заведующего дошкольным отделом Наркомпроса РСФСР К. В. Вераксо обратилась к директору сарапульского педагогического училища с нижеследующим письмом:

«Дошкольный отдел Наркомпроса просит сообщить, как справлялась с преподавательской работой во вверенном вам педучилище тов. Милованова М. Н. и возможно ли ей предоставить заведывание учебной частью дошкольного педучилища».

Через месяц, 23 сентября, та же Вераксо написала тому же директору сарапульского педагогического училища другое письмо:

«Дошкольный отдел Наркомпроса просит Вас сообщить, почему Вами прислана нам характеристика на тов. Милованову М. Н.»

Мы надеемся, что, опубликовав эту переписку, мы помогаем нашим читателям получить кое-какое представление о стиле работы дошкольного отдела Наркомпроса. Разжевывать не будем. Надеемся, что читатели не маленькие, сами разберутся.

БИБИН ПЛАНИРУЕТ

В свое время царь Соломон вызвал немало шуму своим предложением разрубить пополам ребенка, на которого пред'являли права две древнееврейские женщины.

Прошло каких-нибудь несколько тысяч лет, и у автора «Песни песней» оказался свой, правда, менее кровавый, но зато и значительно менее умный подражатель в аппарате Леноблвнторг-отдела.

И тоже по детской части.

Фамилия этого, в лучшем случае туповатого, соломоновского эпигона — Быбин. Он исполняет должность начальника подотдела промтоваров Леноблвнторготдела. А как он исполняет эту должность, видно из того, что согню детских полшубков он распределил между четырьмя торгующими организациями следующим образом: одной он выделил 39 штук, другой — 25,5 штуки, третьей — 13,4 штуки и четвертой — 22,1.

Мы от души сочувствуем покойному царю Соломону. Большой бюрократ попался ему в приемники!

КСТАТИ О КОМПОТЕ

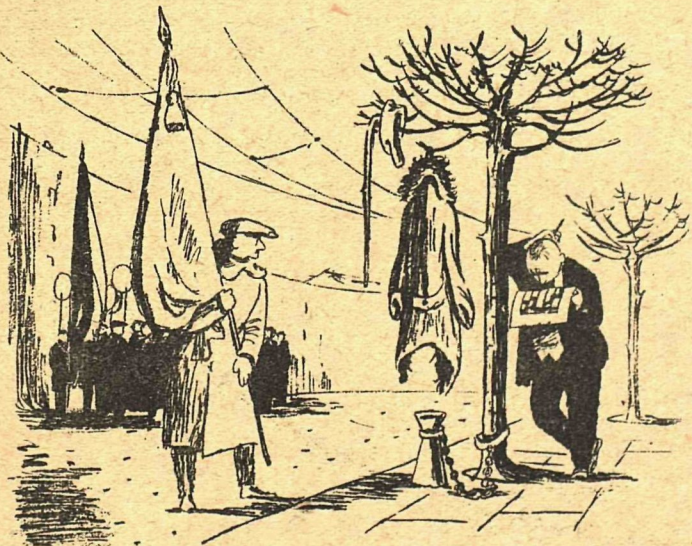
Мы считаем необходимым вступить за море, изгаженное молодым поэтом П. Березкиным в десятой книге журнала «Октябрь». В своем бесподобном наборе кое-как зарифмованных слов, озаглавленном «Море», П. Березкин дает классическую по своей оригинальности и аромату характеристику этого многократно воспетого поэтами естественного водоема:

«Море, конечно, — не ватрушки мамины,
Море больше —
Портянки и пот.
Море одновременно — и колдобины и ямины,
Но и там не без устриц,
и на третье компот».

Пожалейте море, товарищи из «Октября», а заодно и молодого автора. Он ведь невиноват, что его стихи, не редактируя, сразу сдают в набор.

МУЧЕНИКИ КРОССВОРДА

Рис. Л. Сойфертиса

— Да идем же, Николай! Наша колонна давно тронулась!..
— Постой... Какое это может быть слово из двенадцати букв, означающее торжественное шествие?.. Первая буква — «Д»... Последние три — «ция»...

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Довожу до твоего сведения, что помощь стахановскому движению со стороны редакции газеты «Прииртышская правда» очень дорога нам. Даже слишком дорога.

Согласись сам. Семипалатинский промкомбинат взял на себя обязательство выполнить годовую программу к двадцатой годовщине Октября и вызвал на соревнование Устькаменогорский промкомбинат. Отправили мы этот вызов для помещения на страницах «Прииртышской правды» и получили ответ от редактора газеты Ошаровского, что напечатать вызов он согласен, только если за это будет уплачено сто рублей. За эти же деньги Ошаровский согласился, правда, и быть арбитром в нашем соревновании.

Вот как высоко расценивает редактор «Прииртышской правды» свою помощь стахановскому движению. Интересно, как эту помощь расценит областной комитет партии.

Директор Промкомбината
И. ЕКИМОВ

Товарищ Крокодил!

Тебе, наверное, известно, что в преферанс, покер и тому подобные карточные игры многие граждане играют «на интерес», то есть, попросту говоря, на деньги. Я лично не вижу в игре «на интерес» ничего хорошего, но и ничего дискредитирующего самую идею преферанса, покера и т. д. Но что бы ты сказал, если бы узнал, что методы азартной карточной игры переносятся кое-какими умниками на... социалистическое соревнование? Навероятно, но факт. В договоре на социалистическое соревнование, заключенном между председателями Гурленского и Мангитского райпотребсоюзов (Узбекская ССР) на наилучшие показатели работы райпо к двадцатой годовщине Октября, пунктом «Н» зна-

чится: «Сторона, не выполнившая своих обязательств, уплачивает пять тысяч рублей, причем сторона, получившая по содоговору пять тысяч рублей, использует их исключительно на культурно-бытовые надобности для лучших работников-стахановцев».

Так председатели Гурленского райпо Курбаниязов и Мангитского райпо Абдуллаев превратили социалистическое соревнование в своеобразный тотализатор.

Пусть об этом знают твои читатели, среди которых, нужно надеяться, найдутся и один—два руководящих работника Узбекской потребительской кооперации.

П. МЕХАНИК.

г. Мангит, Узбекская ССР.

Товарищ Крокодил!

Бурая свинья, как известно, поссорила Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. А у нас в Кушве начальник стройконторы Д. Ф. Журавлев поссорился с начальником горкомхоза В. О. Пилизиным из-за ордера на квартиру, который был выдан не Д. Ф. Журавлеву, а местному учителю. Результатом ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем была длинная и смешная судебная волокита, красочно описанная Гоголем. У нас в Кушве дело обошлось без суда. Просто Д. Ф. Журавлев, когда к нему пришел коммунальщик с запиской В. О. Пилизина об отпуске мела — замазать на зиму стекла городских цветочных теплиц, — на одной записке начертил: «Кладовщику. Отпустить мела 10 килограмм, при условии, если дадут ордер на квартиру, где живет педагог».

Свинья водила пером В. Ф. Журавлева, когда он писал эту резолюцию, и не бурая, а буржуазная!

В. МАСЛЕННИКОВ

г. Кушва, Свердловск. обл.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукопись не возвращается

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 1072

Сдача текста и рисунков 10/XI—37 г.

Подп. к печати 20 XI—37 г. Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б 31724. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2386. Тираж 275 000 экз.

рис. М. Черемных

- Смотри, Макеевка тебя обгонит!
- Ну что ж, обгонит, значит, страна получит больше металла.
- А если ты не обгонишь Макеевку, страна получит меньше металла.

WS,